

10 КЛАСС

ЧАСТЬ I

Перед Вами два произведения – эпическое и лирическое. Сделайте целостный анализ **одного** из них (**по Вашему выбору**). Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Людмила Улицкая
Счастливый случай

Как только начинало припекать и подсыхала грязь, желтая и худая Халима, повязанная по самые брови шелковым лняным платком, начинала просушивать постель. Она выносила раскладушки и наваливала на них одеяла, коврики, перины такой огромной разноцветной кучей, что непонятно было, как все это помещается в двух крошечных подвальных комнатах, где она жила с бритоголовым мужем Ахметом и множеством разновозрастных детей.

Куча эта возвышалась как раз под окном Клюквиных, живших на первом этаже дощатого двухэтажного дома.

Пока одеяла и подушки грелись на солнце, отдавая накопленную за зиму подвальную сырость, вреднопоющая старуха Клюквина, высунувшись в окно между цветочными горшками, добросовестно и монотонно бранила Халиму.

Колюня, Колюня, подь сюда! – приказала она своему шкодливому внуку Кольке. – А ну-ка скинь все!

Колюня с удовольствием побежал во двор и, выждав минуту, когда Халима отлучилась, перевернул раскладушку.

Халима сердилась, нет ли – понять было нельзя. Она была молчалива и терпелива. Она подобрала вещи, сложила на раскладушки и посадила рядом дочку Розку – стеречь.

Халимины выставленные раскладушки обычно служили сигналом – женщины вывешивали на бельевых веревках, натянутых между липами, зимние пальто и одеяла, а на изгородях рассаживались, как огромные разноцветные кошки, толстые подушки. По коврам и половикам хлопали палками, выстреливая облачками уютной домашней пыли.

Старуха Клюквина все стояла у окна и поругивалась. Потом в голову ей пришло, что неплохо бы проветрить свою плюшевую жакетку. Нести во двор она не хотела – а ну как украдут? – и решила проветрить ее на чердаке.

Она позвала Кольку, велев ему оттащить на чердак «шубу», как она уважительно называла свою жакетку, и, снявши в сенцах ключ с гвоздя, стала подниматься вслед за Колькой на чердак.

Просторная деревянная лестница вела на второй этаж, а там она суживалась, делала резкий поворот и останавливалась у низкой дверки.

Старуха Клюквина отомкнула висятый замок, и они вошли в огромное, уже нагретое ранним солнцем помещение. Скаты крыши были неровными, посреди чердака крыша горбилась и уходила вверх, а в одной из скошенных стен зияло большое двустворчатое окно, через которое падал на чердак полосатый поток зыбкого и мутного света.

Колюня уже бывал здесь – и каждый раз восхищенно замирал перед кучами хлама, жадно разглядывая причудливые очертания, образованные самоварной

трубой, рогатой венчалкой, вставшим на дыбы сундуком и лежащим на боку шкафом, покрытым нежной попоной пыли.

Колька ткнулся было туда, но бабка, повесив жакетку на бельевую веревку, потянула его к выходу. Она замкнула низкую дверь и, переваливаясь на пухлых ногах, стала тяжело спускаться по деревянной лестнице. Колюня шел следом, мучительно соображая, как бы стащить у нее ключ и забраться одному на чердак. Но ключи она несла в руке, а руку опустила в карман передника.

Колюня выпел во двор и задумчиво посмотрел на крышу. Окно на чердаке было приоткрыто; раздвоенный ствол большой липы направлялся было в сторону окна, но потом сворачивал, так что залезть с него на крышу было никак нельзя. Трехэтажный дом, кирпичный, более поздней постройки, стоял вплотную к их хлипкому деревянному, стены лепились друг к другу, но крыша трехэтажки, этого небоскреба их квартала, метра на полтора возвышалась над крышей Колюниного дома.

«Если выход на чердак в трехэтажке открыт, можно рискнуть», — решил Колюня.

Одним махом он взлетел на третий этаж. Две двери вели в квартиры, а между ними была еще одна, поплотнее, чердачная. Она оказалась запертой. Но Колькина хитроумная голова работала — и он пошел просить ключ от чердака к дворничихину Витьке. Он ловко наврал ему, что на крышу упал мяч, и не какой-нибудь, а известный во всех дворах района Шуркин кожаный мяч, и что никто из ребят не знает, куда его занесло, а он, Колька, лично видел, как мяч залетел на крышу. И если Витька поможет ему достать ключ от чердачной двери, то они вдвоем будут навеки владельцами Шуркиного мяча!

У Витьки загорелись глаза, и он пообещал немедленно поспособствовать. Добыть ключи Витьке не стоило никакого труда: мать, похрапывая, спала на узкой коечке за печкой, а ключи горкой лежали посреди стола.

Через три минуты оба они стояли у чердачной двери, примеривая к замку ключи. Вышедший из соседней двери старик Конюхов подозрительно посмотрел на них и спросил, что это они тут делают. Витька замялся, а Колюнька приветливо и лживо сказал:

— А тетя Настя велела метлы принести, тут они стоят...

А-а-а, удовлетворенно протянул Конюхов и, громыхая палкой, пошел вниз по лестнице.

Дверь наконец открылась. Этот плоский чердак не представлял для Кольки никакого интереса. Пахло мышами, стояли старая перевернутая кровать и детская ванночка...

«То ли дело наш...» — мелькнуло у Колюни. И он представил себе, как заберется в самую середину огромной кучи, как загудит самоварная труба и как здорово он там заживет...

Через слуховое окошко они вылезли на крышу. Давно не крашенная плоская крыша, ничем не огороженная, а лишь заканчивающаяся узким отворотом ржавого железа, гулко громыкала под ногами. Вниз смотреть было страшно.

— Пет мяча-то, — прошептал Витька, — где он, твой мяч, а?

А сам зачарованно уставился вниз. Земля круглилась внизу, и было здорово заметно с такой высоты, до чего же она круглая, до чего большая. С одной стороны шли все маленькие дома, и горизонт был как бы открыт, и дома не кончались, а

только сливались в серо-зеленой дымке. Самые высокие липы были ниже их. Настоящей листвы еще не было, только легкая прозелень на ветках, и между ними был виден двор, и соседский двор, и кусок улицы с дрожащим трамваем. Каланча казалась близкой и словно уменьшившейся в размере, так же как широкое тело Пименовской церкви.

— Какой мяч? — переспросил Колька, далеко в мыслях отошедший от своей хитрой выдумки. — А, мяч... Да, видно, вон туда скатился, — сказал Колоня и целеустремленно пошел к краю крыши, нависающему над двухэтажкой.

— Ты посиди пока, я слезно на двухэтажку может, там мяч-то, — сказал одержимый своим чердаком Колоня, уже свесив ноги и уцепившись за край крыши. Он разжал пальцы и ловко приземлился на крышу двухэтажки. Крыша эта была горбом, идти по ней было неудобно. Он подошел к растворенному чердачному окну и, держась за приоткрытую раму, глянул вниз.

Он увидел задний двор, большой голый дуб, лишайники сарая, Шуркину голубятню, блестящий, всем двором обожаемый «опель кадет» дяди Димы Орлова... Он присел на корточки — ему хотелось увидеть и то, что было закрыто от его зрения: раскладушку с разноцветными перинами, песочницу, маленьких Нинку и Валерку, только что игравших в песке, доминошный стол...

Старуха Клюквина, позвякивая ключом от чердака, все не могла успокоиться.

Ишь, выложила свое тряпье под самый нос, — ворчала она.

Потом встала, взяла совок, wygrебла из печки немного золы и подошла к окну. Халима как раз отвернулась, а старуха ловким, даже каким-то спортивным движением сыпанула из окна золу прямо на раскладушку и, как маленькая девочка, с хитрым видом спряталась за занавеску — наблюдать за Халимой. Но та вытирала носы двум своим меньшим сыновьям и все не оборачивалась.

И вдруг странная фигура мелькнула прямо перед глазами Клюквиной. Черная, небольшая, она камнем упала сверху, прямо в середину Халиминого тряпья, и раскладушка, хрюкнув, развалилась. Над бледным Колькой стояла Халима. Она взглянула в его лицо, увидела тоненькую струйку крови, вытекающую изо рта, и схватила его на руки.

Живой? Живой ты? Руки, ноги целые? — И забормотала что-то по-татарски, радостно прижимая к себе этого шkodливого, хитрого, никем во дворе не любимого мальчишку.

И еще не вполне поняв, что же произошло, старуха Клюквина бежала на своих ватных ногах к раскладушке и кричала:

— Он, бес! Не парень, бес! И откуда же это он сверзился?

Кольку, живого и невредимого, но с прокушенным языком, вечером выпороли.

На другой день вредная старуха Клюквина, держа за руку Колоню, торжественно отнесла в подвал Халиме покрытый от мух полотенцем большой пирог с вареньем. Все соседи видели, как Клюквина поклонилась Халиме и сказала громким скандальным голосом:

Прости меня, Халима. Кушайте на здоровье.

А Халима стояла в дверях, высокая, похожая одновременно на худую лошадь и на пантеру в линялом платке, удивительно красивая.

2003 г.

При желании можете опираться на вопросы.

- а) на чём строится сюжет текста?
- б) Какова логика повествования?
- в) какими изобразительными средствами автору удается создать индивидуальные образы персонажей?
- г) меняется ли интонация по ходу повествования? От чего она зависит?
- д) объясните сущность понятия «счастья» в рассказе;
- е) в чём идейно-художественный смысл произведения?

Примечание: Вы можете использовать предложенные вопросы, а можете выбрать свой путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

ИЛИ

Булат Окуджава
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

С.П. Щипачеву

Не представляю Пушкина без падающего снега,
бронзового Пушкина, что в плащ укрыт.
Когда снежинки белые посыплются с неба,
мне кажется, что бронза тихо звенит.

Не представляю родины без этого звона.
В сердце ее он успел вращаться,
как сгопоношенный сюртук зелёный,
железная трость и перо — в горсти.

Звени, звени, бронза. Вот так и согреешься.
Падайте, снежинки, на плечи ему..
У тех — всё утёхи, у этих — всё зрелища,
а Александр Сергеевич ждёт в том доме.

И пока, на славу устав надеяться,
мы к благополучию спешим нелегко,
там гулять и готовятся господа гвардейцы,
и к столу скликают «Вдова Клико»,

там папропалую, как перед всем светом,
как перед любовью — всегда правы..
Что ж мы осторожничаем?

Мудрость не в этом.
Со своим веком можно ль на «вдь»?

По Пушкинской площади плещут страсти,
трамвайные жаворонки, грех и смех..
Да не суетитесь вы!
Не в этом счастье...

Александр Сергеевич помнит про всех

При желании можно опираться на следующие вопросы:

- а) рассмотрите графическую композицию стихотворения, в чём её смысл?
- б) как соотносятся образы двух веков в стихотворении?
- в) каким предстаёт мир в сознании поэта?
- г) раскройте значение образа Пушкина в стихотворении;
- д) определите роль риторического восклицания;
- е) какова функция последнего двустишия, замыкающего стихотворение?

Примечание: Вы можете использовать предложенные вопросы, а можете выбрать свой путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой **цельный, связный, завершённый текст**.

Максимальное количество баллов 70

Часть II.

Творческое задание

Представьте, что вы – известный филолог. К вам поступило предложение стать соавтором литературной энциклопедии «Поваренная книга русской литературы». Энциклопедия будет состоять из нескольких разделов: «Любимые блюда классиков», «Рецептура русского обеда», «Деликатесы и десерты» и др.

Задание: Напишите статью для одного из предложенных разделов

Требования редакторов:

- 1. объём – 250–400 слов;
- 2. статья должна быть занимательной и посылной и для читателя-нефилолога и неспециалиста-литературоведа; при этом она должна расширить его кругозор, пробудить интерес к тому, о чём идёт речь;
- 3. статья должна учитывать специфику раздела;
- 4. тема статьи – кулинария в литературе; необходимо показать, как еда «существует» у разных авторов, в разных произведениях русской литературы; при этом необходимо учесть предметное и символическое значение;
- 5. статья должна иметь заголовок (желательно в виде цитаты);
- 6. автор сопровождает текст запиской для художественного редактора, в которой даёт советы по поиску иллюстраций к статье (например, называет картины художников, кадры из записей спектаклей или фильмов и др.).

Максимальное количество баллов: 30.

Итого: максимально 100 баллов.

ОЛИМПИАДНАЯ РАБОТА

ПО ЛИТЕРАТУРЕ

(ШКОЛЬНЫЙ ТУР)

учащегося 10 класса

МКОУ «Журавлихинская СОШ»

КОНОНОВА ЕГОРА

Произведение Людмила Улицкой "Счастливей случай" показало мне о том, насколько бесчувственное люди могут испытывать в жизни, и о том, что порой даже незначительная деталь может изменить все. Оно дает нам свое определение счастья - это событие, событие, которое навлекло на себя и суровое наказание.

Ведь как бы ни парадоксально это звучало, но именно прекрасный случай Калмы Кисовина стал счастливейшим делом в его жизни. Он попал на самый распад души, который мог быть только распад души его бабушки Кисовины. Эта распад души была превращена, обманута, да, но и счастье Кисовины, она-лась связана на месте.

Кисовина счастливейшим случаем себя Калма, распад души которой стала, как бы можно было думать, так-чине. Это происшествие - тот самый счастливейший случай в ее жизни. Но еще более счастливейшим он был для старухи Кисовиной, которой был дан шанс стать человеком.

"Кухня и кухня!" или много литературных цитат

Тем, кто много и внимательно читает, наверняка обращено внимание на то, что редко встречающиеся слова произносятся, произношение которых ничего не значит и не имеет. И это естественно, поскольку что в книгах должна описываться истинная жизнь, которая — жизнь! — не бывает без еды и питья. Так что тот удивительный в том, что и масса русско-литературных людей не имеет никакого понятия о различных кухнях.

Например, Иван Александрович Гурьев среди своих современников был не только выдающимся баскетболистом, но и был известен в литературных кругах как журналист, знаток и ценитель хорошего вина. Александр Александрович в своих рассказах часто показывал, как его герои пили чай. А если из самых литературных материалов отбирать, то можно, особенно выделяясь в этом отношении его, "Ревизор". Вроде как никак, Гурьев — общепризнанный мастер художественных описаний: он может быть как бы из микрокосма, он часто меняет свой привычный облик, часто переживает самостоятельную жизнь. У него есть и прекрасная выразительность за словом, ибо он привык относиться к еде с уважением, но все же редко когда он пишет о еде с уважением.

Во второй половине XX века среди нас еще были писатели, обладавшие удивительной способностью к хорошему изданию. Например, одна из книг этого издания была посвящена "44 литературных рассказов". Эта в предисловии

10 КЛАСС

ЧАСТЬ I

Перед Вами два произведения – эпическое и лирическое. Сделайте целостный анализ **одного** из них (**по Вашему выбору**). Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Людмила Улицкая

Счастливый случай

Как только начинало припекать и подсыхала грязь, желтая и худая Халима, повязанная по самые брови шелковым лняным платком, начинала просушивать постель. Она выносила раскладушки и наваливала на них одеяла, коврики, перины такой огромной разноцветной кучей, что непонятно было, как все это помещается в двух крошечных подвальных комнатах, где она жила с бритоголовым мужем Ахметом и множеством разновозрастных детей.

Куча эта возвышалась как раз под окном Клюквиных, живших на первом этаже дощатого двухэтажного дома.

Пока одеяла и подушки грелись на солнце, отдавая накопленную за зиму подвальную сырость, вреднопоющая старуха Клюквина, высунувшись в окно между цветочными горшками, добросовестно и монотонно бранила Халиму.

Колюня, Колюня, подь сюда! – приказала она своему шкодливому внуку Кольке. – А ну-ка скинь все!

Колюня с удовольствием побежал во двор и, выждав минуту, когда Халима отлучилась, перевернул раскладушку.

Халима сердилась, нет ли – понять было нельзя. Она была молчалива и терпелива. Она подобрала вещи, сложила на раскладушки и посадила рядом дочку Розку – стеречь.

Халимины выставленные раскладушки обычно служили сигналом – женщины вывешивали на бельевых веревках, натянутых между липами, зимние пальто и одеяла, а на изгородях рассаживались, как огромные разноцветные кошки, толстые подушки. По коврам и половикам хлопали палками, выстреливая облачками уютной домашней пыли.

Старуха Клюквина все стояла у окна и поругивалась. Потом в голову ей пришло, что неплохо бы проветрить свою плюшевую жакетку. Нести во двор она не хотела – а ну как украдут? – и решила проветрить ее на чердаке.

Она позвала Кольку, велев ему оттащить на чердак «шубу», как она уважительно называла свою жакетку, и, снявши в сенцах ключ с гвоздя, стала подниматься вслед за Колькой на чердак.

Просторная деревянная лестница вела на второй этаж, а там она суживалась, делала резкий поворот и останавливалась у низкой дверки.

Старуха Клюквина отомкнула висятый замок, и они вошли в огромное, уже нагретое ранним солнцем помещение. Скаты крыши были неровными, посреди чердака крыша горбилась и уходила вверх, а в одной из скошенных стен зияло большое двустворчатое окно, через которое падал на чердак полосатый поток зыбкого и мутного света.

Колюня уже бывал здесь – и каждый раз восхищенно замирал перед кучами хлама, жадно разглядывая причудливые очертания, образованные самоварной

трубой, рогатой венчалкой, вставшим на дыбы сундуком и лежащим на боку шкафом, покрытым нежной попоной пыли.

Колька ткнулся было туда, но бабка, повесив жакетку на бельевую веревку, потянула его к выходу. Она замкнула низкую дверь и, переваливаясь на пухлых ногах, стала тяжело спускаться по деревянной лестнице. Колюня шел следом, мучительно соображая, как бы стащить у нее ключ и забраться одному на чердак. Но ключи она несла в руке, а руку опустила в карман передника.

Колюня выпел во двор и задумчиво посмотрел на крышу. Окно на чердаке было приоткрыто; раздвоенный ствол большой липы направлялся было в сторону окна, но потом сворачивал, так что залезть с него на крышу было никак нельзя. Трехэтажный дом, кирпичный, более поздней постройки, стоял вплотную к их хлипкому деревянному, стены лепились друг к другу, но крыша трехэтажки, этого небоскреба их квартала, метра на полтора возвышалась над крышей Колюниного дома.

«Если выход на чердак в трехэтажке открыт, можно рискнуть», — решил Колюня.

Одним махом он взлетел на третий этаж. Две двери вели в квартиры, а между ними была еще одна, поплотнее, чердачная. Она оказалась запертой. Но Колькина хитроумная голова работала — и он пошел просить ключ от чердака к дворничихину Витьке. Он ловко наврал ему, что на крышу упал мяч, и не какой-нибудь, а известный во всех дворах района Шуркин кожаный мяч, и что никто из ребят не знает, куда его занесло, а он, Колька, лично видел, как мяч залетел на крышу. И если Витька поможет ему достать ключ от чердачной двери, то они вдвоем будут навеки владельцами Шуркиного мяча!

У Витьки загорелись глаза, и он пообещал немедленно поспособствовать. Добыть ключи Витьке не стоило никакого труда: мать, похрапывая, спала на узкой койке за печкой, а ключи горкой лежали посреди стола.

Через три минуты оба они стояли у чердачной двери, примеривая к замку ключи. Вышедший из соседней двери старик Конюхов подозрительно посмотрел на них и спросил, что это они тут делают. Витька замялся, а Колюнька приветливо и лживо сказал:

— А тетя Настя велела метлы принести, тут они стоят...

А-а-а, удовлетворенно протянул Конюхов и, громыхая палкой, пошел вниз по лестнице.

Дверь наконец открылась. Этот плоский чердак не представлял для Кольки никакого интереса. Пахло мышами, стояли старая перевернутая кровать и детская ванночка...

«То ли дело наш...» — мелькнуло у Колюни. И он представил себе, как заберется в самую середину огромной кучи, как загудит самоварная труба и как здорово он там заживет...

Через слуховое окошко они вылезли на крышу. Давно не крашенная плоская крыша, ничем не огороженная, а лишь заканчивающаяся узким отворотом ржавого железа, гулко громыкала под ногами. Вниз смотреть было страшно.

— Пет мяча-то, — прошептал Витька, — где он, твой мяч, а?

А сам зачарованно уставился вниз. Земля круглилась внизу, и было здорово заметно с такой высоты, до чего же она круглая, до чего большая. С одной стороны шли все маленькие дома, и горизонт был как бы открыт, и дома не кончались, а

только сливались в серо-зеленой дымке. Самые высокие липы были ниже их. Настоящей листвы еще не было, только легкая прозелень на ветках, и между ними был виден двор, и соседский двор, и кусок улицы с дрожащим трамваем. Каланча казалась близкой и словно уменьшившейся в размере, так же как широкое тело Пименовской церкви.

— Какой мяч? — переспросил Колька, далеко в мыслях отошедший от своей хитрой выдумки. — А, мяч... Да, видно, вон туда скатился, — сказал Колоня и целеустремленно пошел к краю крыши, нависающему над двухэтажкой.

— Ты посиди пока, я слезно на двухэтажку может, там мяч-то, — сказал одержимый своим чердаком Колоня, уже свесив ноги и уцепившись за край крыши. Он разжал пальцы и ловко приземлился на крышу двухэтажки. Крыша эта была горбом, идти по ней было неудобно. Он подошел к растворенному чердачному окну и, держась за приоткрытую раму, глянул вниз.

Он увидел задний двор, большой голый дуб, лишайники сарая, Шуркину голубятню, блестящий, всем двором обожаемый «опель кадет» дяди Димы Орлова... Он присел на корточки — ему хотелось увидеть и то, что было закрыто от его зрения: раскладушку с разноцветными перинами, песочницу, маленьких Нинку и Валерку, только что игравших в песке, доминошный стол...

Старуха Клюквина, позвякивая ключом от чердака, все не могла успокоиться.

Ишь, выложила свое тряпье под самый нос, — ворчала она.

Потом встала, взяла совок, wygrебла из печки немного золы и подошла к окну. Халима как раз отвернулась, а старуха ловким, даже каким-то спортивным движением сыпанула из окна золу прямо на раскладушку и, как маленькая девочка, с хитрым видом спряталась за занавеску — наблюдать за Халимой. Но та вытирала носы двум своим меньшим сыновьям и все не оборачивалась.

И вдруг странная фигура мелькнула прямо перед глазами Клюквиной. Черная, небольшая, она камнем упала сверху, прямо в середину Халиминого тряпья, и раскладушка, хрюкнув, развалилась. Над бледным Колькой стояла Халима. Она взглянула в его лицо, увидела тоненькую струйку крови, вытекающую изо рта, и схватила его на руки.

Живой? Живой ты? Руки, ноги целые? — И забормотала что-то по-татарски, радостно прижимая к себе этого шkodливого, хитрого, никем во дворе не любимого мальчишку.

И еще не вполне поняв, что же произошло, старуха Клюквина бежала на своих ватных ногах к раскладушке и кричала:

— Он, бес! Не парень, бес! И откуда же это он сверзился?

Кольку, живого и невредимого, но с прокушенным языком, вечером выпороли.

На другой день вредная старуха Клюквина, держа за руку Колоню, торжественно отнесла в подвал Халиме покрытый от мух полотенцем большой пирог с вареньем. Все соседи видели, как Клюквина поклонилась Халиме и сказала громким скандальным голосом:

Прости меня, Халима. Кушайте на здоровье.

А Халима стояла в дверях, высокая, похожая одновременно на худую лошадь и на пантеру в линялом платке, удивительно красивая.

2003 г.

При желании можете опираться на вопросы.

- а) на чём строится сюжет текста?
- б) Какова логика повествования?
- в) какими изобразительными средствами автору удается создать индивидуальные образы персонажей?
- г) меняется ли интонация по ходу повествования? От чего она зависит?
- д) объясните сущность понятия «счастья» в рассказе;
- е) в чём идейно-художественный смысл произведения?

Примечание: Вы можете использовать предложенные вопросы, а можете выбрать свой путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

ИЛИ

Булат Окуджава
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

С.П. Щипачеву

Не представляю Пушкина без падающего снега,
бронзового Пушкина, что в плащ укрыт.
Когда снежинки белые посыплются с неба,
мне кажется, что бронза тихо звенит.

Не представляю родины без этого звона.
В сердце ее он успел вращаться,
как сгопоношенный сюртук зелёный,
железная трость и перо — в горсти.

Звени, звени, бронза. Вот так и согреешься.
Падайте, снежинки, на плечи ему..
У тех — всё утёхи, у этих — всё зрелища,
а Александр Сергеевич ждёт в том доме.

И пока, на славу устав надеяться,
мы к благополучию спешим нелегко,
там гулять и готовятся господа гвардейцы,
и к столу скликают «Вдова Клико»,

там папропалую, как перед всем светом,
как перед любовью — всегда правы..
Что ж мы осторожничаем?

Мудрость не в этом.
Со своим веком можно ль на «вдь»?

По Пушкинской площади плещут страсти,
трамвайные жаворонки, грех и смех..
Да не суетитесь вы!
Не в этом счастье...

Александр Сергеевич помнит про всех

При желании можно опираться на следующие вопросы:

- а) рассмотрите графическую композицию стихотворения, в чём её смысл?
- б) как соотносятся образы двух веков в стихотворении?
- в) каким предстаёт мир в сознании поэта?
- г) раскройте значение образа Пушкина в стихотворении;
- д) определите роль риторического восклицания;
- е) какова функция последнего двустишия, замыкающего стихотворение?

Примечание: Вы можете использовать предложенные вопросы, а можете выбрать свой путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой **цельный, связный, завершённый текст**.

Максимальное количество баллов 70

Часть II.

Творческое задание

Представьте, что вы – известный филолог. К вам поступило предложение стать соавтором литературной энциклопедии «Поваренная книга русской литературы». Энциклопедия будет состоять из нескольких разделов: «Любимые блюда классиков», «Рецептура русского обеда», «Деликатесы и десерты» и др.

Задание: Напишите статью для одного из предложенных разделов

Требования редакторов:

- 1. объём – 250–400 слов;
- 2. статья должна быть занимательной и посылной и для читателя-нефилолога и неспециалиста-литературоведа; при этом она должна расширить его кругозор, пробудить интерес к тому, о чём идёт речь;
- 3. статья должна учитывать специфику раздела;
- 4. тема статьи – кулинария в литературе; необходимо показать, как еда «существует» у разных авторов, в разных произведениях русской литературы; при этом необходимо учесть предметное и символическое значение;
- 5. статья должна иметь заголовок (желательно в виде цитаты);
- 6. автор сопровождает текст запиской для художественного редактора, в которой даёт советы по поиску иллюстраций к статье (например, называет картины художников, кадры из записей спектаклей или фильмов и др.).

Максимальное количество баллов: 30.

Итого: максимально 100 баллов.

Выпиши работу по литературе
(сказочный мир)

Учащийся 10 класса

ИЗОУ, литературная СОВМ

Мартыновская Анастасия

Часть 1

В произведении Людмила Гинзбург, "Волшебный случай" рассказ ведется о старухе Кюквинной, ее внучке Кюквинке и их соседке Хамме. Весь сюжет произведения построен на анти-тезе - все герои противопоставляются друг другу. "Вредная" старуха Кюквинна противопоставляется доброй и терпеливой Хамме. Да и сама Хамма противопоставляется самой себе в начале и в конце произведения. В начале от образа Хаммы создается ощущение чего-то злого, гнетного и неданное болезненного, желтая и худая Хамма. Но в конце произведения образ Хаммы меняется: теперь это уже не "желтая и худая", а "белая, полная совершенно на другую сторону и на другую" женщина.

Все действия повествования логически взаимосвязаны между собой и направлены на раскрытие характеров героев. Например, две героини: старуха Кюквинна и Хамма

Старуха была вредной и злой, она делала
всвозможные гадости Кашине, которая, в
свою очередь, не обращала на это внимания.
Помогая, казалось, что Кашину никто не
защитит хоть маленькое угнетенное, но
послеующее прошествие, произшедшее с
её внуком, заставило её поменяться. Выжи-
вевши, что сказала старуха Кашине, за-
ставили по упрямству взглянуть на неё ста-
руха Кашинина была просто замечательным
человеком: все свои секреты и вещи она хра-
нила на замке, не доверяя никому.

С помощью типичных и сравнений автор
создает индивидуальные образы персонажей.
Кашина была сравнима с худой лисицой
и пестрой. Трагической и красивой па-
терой. С помощью умышленного сдвиге-
са - ^{из} автор создает образ старушки
Кашининой, что была не просто вредной,
а "вредущей", делавшей и говорившей мно-
го плохого.

Интонация в произведении зависит от
действия героя: то она спокойная, то на-
пряженная, как, например, в начале, когда
Каша залез на крышу дома, или же когда
он узнал все с ней же происки. От напряженности

задерживалось дыхание - чего и добивался автор. Разогнувшись и потянувшись можно уловить в тот момент, когда Катя смотрит на двор с крыльца курьёзного дома, выжидая, выжидая, о чём-то счастливейшем мальчишке. Катя же радостная и потянувшись в момент спасения Катюшки: когда мальчик оказался жив и невреден, читателем наверняка почувствовалось облегчение.

Сам рассказ называется "счастливым случаем". На первый взгляд в произведении можно заметить лишь один счастливый момент: когда мальчик, утратив волосы, оказался жив. Но таких моментов в рассказе много. Например, когда в конце произведения Катюшка стала в дверях "удивительно красивой", разве от вида красивой девушки не почувствовал некий читатель? Конечно можно. Иные же мечтают Катюшки о том, как она будет жить на чердаке. Катюшка, что счастливее лишь от одной мечты уже даёт нам понять, что счастье - в мечтах.

Главной своей произведением я вижу в том, что не всегда стоит смотреть на то, как ведёт себя человек, он может

в любой момент извиняться, иметь право
Не стоит судить человека по его внешности,
Ботх может, внутри этот человек
красивее и добрее, чем другие люди. И надо
помнить, что жизнь дает человеку шанс
быть счастливым.